

МЕЖДУ ПСИХОПАТОЛОГИЕЙ И ФИЛОСОФИЕЙ: ПУТЬ ЯСПЕРСА

© 2008 О. А. Власова

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии

e-mail: olga_vlasova@mail.ru

Курский государственный университет

В работе рассматриваются философские и психопатологические идеи Карла Ясперса. Свое внимание автор сосредоточивает на том периоде его творчества, который стоит между его занятиями психопатологией и работой в области философии. Статья стремится ответить на вопрос, каким образом психиатрия и психопатология повлияла как на философию самого Ясперса, так и на философию XX века.

Ключевые слова: психопатология, философская психиатрия, патография, понимание, философская вера, коммуникация, метафизическая глубина, нигилизм, ничтожение

Карлу Ясперсу посчастливилось стать классиком сразу двух наук – философии и психиатрии. Его первая книга «Общая психопатологии», поразив всех его современников своей глубиной, целостностью, профессионализмом, выдержала при жизни философа семь изданий и была одной из самых революционных работ психиатрии того времени. Ясперс не раз признавал, что «Общая психопатология» является самым значительным его произведением. Эта работа была написана всего за два года и базировалась на фактическом материале, полученном Ясперсом в течение четырех лет. Он не раз возвращался к ней, даже отойдя от психиатрии и занимаясь философией, редактировал ее снова и снова (так, большая доработка была проведена в 1932 г.). В настоящей работе мы не будем останавливаться на «Общей психопатологии», а попытаемся показать, каким образом психиатрия и психопатология повлияла как на философию самого Ясперса, так и на философию XX века. И здесь нас будет интересовать, прежде всего, тот временной промежуток его творчества, который стоит между его занятиями психопатологией и работой в области философии, то есть то время, когда эти два интереса его научной жизни еще были непосредственно связаны, когда в его произведениях философия и психиатрия стояли бок о бок.

Г. Шпигельберг называет Ясперса «Брентано феноменологической психопатологии». И действительно, он одновременно и стоит особняком по отношению к этому направлению, и является его отцом-основателем. Все, что впоследствии будет исследовать феноменологическая психиатрия как междисциплинарное направление философии XX века, так или иначе является развитием идей Ясперса.

Для феноменологии философской Ясперс сделал не меньше. Фактически, он расширил ее границы, показав универсальность феноменологического метода и реальную возможность его применения в качестве методологического фундамента научного исследования. Шпигельберг совершенно верно отмечает: «Этот новый классик обеспечил феноменологии ведущее место в фундаменте новой науки. Таким образом, он не только сделал первые шаги в распространении феноменологии, но и доказал истинность философской феноменологии Гуссерля» [Spiegelberg 1972: 191]. Говоря об отношении психопатологии Ясперса к феноменологии, Шпигельберг продолжает: «Нельзя сказать, что Ясперс просто сделал из психопатологии феноменологическое предприятие. Его основная цель заключалась в том, чтобы добиться синтеза всех идей, входящих в область, в основании которой лежит четкая методологическая дифференциация применяемых подходов. В структуре этой методологической реорганизации психопатологии психологическая часть была четко отделена от непсихологической» [Ibid: 95–96]. Тем не менее, несмотря на «нефилософские» цели, раздел о феноменоло-

гии открывал «Общую психопатологию», что закономерно способствовало формированию представления об исключительной важности феноменологии для психопатологического исследования. Поэтому для последующего развития прикладной феноменологии эта работа имела исключительное значение.

Что касается самого Ясперса, то занятия медициной и клиническая практика выработали у него строгость мышления, склонность к систематизации и обобщению. Одновременно мышление Ясперса приобрело неизгладимый отпечаток клинического мышления: строгий вектор «отдельный случай → систематизация → обобщенная теория» стал доминирующим. Этот стиль мышления «от частного к общему» хорошо заметен во всех философских сочинениях Ясперса. Кроме того, отдельные темы и проблемы, поднятые еще в «Общей психопатологии», в особенности проблема понимания, нашли отражение и в более поздних философских работах.

Во многих работах философского периода мы находим отголоски «понимания» и принципов понимающей психологии. Так, в работе «Философская вера» Ясперс вводит концепт философской веры, который, на наш взгляд, вполне можно считать результатом процесса понимания, если при этом максимально расширить его границы. Философская вера основывается на проникновении внутрь факта, внутрь философии и науки. Она постоянно проясняется, становится осознаннее и продвигается внутрь путем осознания. При этом вера снимает разделение на субъективное и объективное, «Философская вера, — пишет Ясперс, — хочет высветлить самое себя. Философствуя, я ничего не принимаю так, как оно мне навязывается, не проникая в него» [Ясперс 1994: 423]. Понимание можно назвать первоначальным этапом философской веры, который имеет место намного раньше характерного для нее трансцендирования.

Еще одной темой, которая беспокоила Ясперса со времен понимающей психопатологии, была проблема коммуникации. На раннем этапе своего творчества он разрабатывал ее как проблему взаимодействия врача и пациента, как проблему понимания пациента. Ю. С. Савенко пишет о Ясперсе: «Его оригинальная философская концепция выросла из экзистенциального философствования относительно коммуникации психиатра со своим больным, в которой происходит встреча с “Другим” и реализация “Я” в процессе самораскрытия. Тема коммуникации стала сквозной темой его творчества» [Савенко 2003: 54]. В дальнейшем коммуникация врача и больного перерастает в проблему экзистенциальной коммуникации, которая раскрывается во многих работах Ясперса.

После психопатологического периода Ясперс не оставляет тему психической патологии. В своей второй работе «Психология мировоззрений», вышедшей в 1913 г., он высказывает весьма интересные идеи о сущности и смысле психического заболевания. В разделе «Абсолютный нигилизм в психозах» Ясперс говорит о том, что характерным симптомом психического заболевания является нигилизм. Отчаянье и уничтожение окружающего мира он считает необходимым этапом для достижения нового состояния, для конструирования новой личности.

Ясперс утверждает, что основной причиной, по которой человек способен переживать отчаянье, является то, что в обычной жизни он склонен формировать определенную мировоззренческую установку, подобную убежищу и напоминающую «раковину». Это мировоззрение настолько устойчиво, что у человека появляется ощущение внутреннего спокойствия, формируется способность к однозначным действиям. Но при этом обитатель данной раковины платит за это спокойствие ценой душевной ограниченности и душевного упадка, т.е. экзистенциальной слепоты. Лишь перед лицом пограничных ситуаций (борьбы, случая, смерти и вины) человек теряет спокойствие и уют и начинает задаваться вопросом о причинах возникновения этой «раковины». «Нигилизм психологически является неизбежной ступенью, если жизнь желает прийти к самовыражению», — пишет Ясперс [Колле 1997: 110]. Именно поэтому у больных возникают мировоззренческие вопросы, и они часто обращаются к философии.

В этой работе Ясперс приводит достаточно интересную историю болезни молодого человека в возрасте около двадцати лет, который страдал шизофренией. Обострения его болезни выражались совершенно особенным образом: «Каждый раз с наступлением патологического изменения он обращался к изучению философии. Он хотел обрести надежную очевидность (Gewissheit), искал метафизически абсолютного. Повсюду ему открывалось, что можно в большей или меньшей степени найти причины для всего, но все может быть и опровергнуто. Таким образом он все больше и больше отвращался от философов, развивающих собственно мировоззрения, и обращался к чистым логикам, чтобы обрести здесь пусть и несущественную, но хоть какую-то уверенность и опору. <...> Скептицизм с самого начала был адекватным выражением его жизненного настроения. С одной стороны, он имел жизненное стремление обрести мировоззрение (Trieb zur Weltanschauung), но от неспособности занять твердую позицию (Unfaehigkeit zum Stellungnehmen) придерживался чисто интеллектуальных, рациональных методов, хватался за них, как за соломинку, доходя в этом до крайности...» [Перцев 2003: 66].

Анализируя этот случай, Ясперс отмечает: «Скепсис нашего больного представляет собой мучительное ежедневное переживание, для которого теоретическая формулировка — которая ничем не отличается от давно известных ходов мысли философов — является всего лишь выражением. Бывает, что человек от неуверенности в отсутствие точки опоры ищет и находит прибежище, словно в раковине, в системном философском мировоззрении. Нечто сравнимое с этим развитием происходит и при большинстве шизофренических процессов» [Там же: 68].

Впоследствии идея Ясперса о неизбежности нигилизма в психозе и его позитивного понимания получает свое развитие в работах Л. Бинсвангера. Используя идеи Хайдеггера о Ничто и смысле ничтожения, Бинсвангер говорит о психозе как состоянии небытия. Приводя характеристики такого существования, он отмечает, что оно не является длительным, оно не продолжается перед лицом смерти, а существует скорее как что-то имеющееся в течение определенного промежутка времени, нечто, что однажды перестанет существовать, рассыплется в прах. Разбирая случай своей пациентки Эллен Вест, он отмечает: «... ее экзистенции угрожает ее собственное небытие. <...> Чего экзистенция страшится — так это бытия-в-мире как такового» [Бинсвангер 2001: 410]. Возникает то состояние, которое Хайдеггер в своих работах назвал ужасом, ужасом в экзистенциальном смысле. Мир предстает человеку угрожающим и сверхъестественным. Но ничтожение существования у Бинсвангера выступает не только в хайдеггеровском, но в сартровском смысле — как тошнота. Это «...червеобразное вегетативное подземное существование, желтеющий и рассыпающийся в прах упадок, тошнотворный мир...» [Там же: 416].

Ужас является неизбежным следствием того, что экзистенция становится жертвой собственного страха. Экзистенциальный ужас изолирует существование и обнажает его. Но это вовсе не означает, что в ужасе внутреннее содержание мира переживается как отсутствующее, наоборот, человек встречается с ним лицом к лицу, в его беспощадности.

Окончательного завершения эти идеи достигают в социальной феноменологии антипсихиатрии. Р. Лэйнг и Д. Купер трактуют шизофренический психоз как метаною, процесс перерождения и обретения человеком своей истинной сущности [Laing 1972: 11–22].

Но главным образом к работам, которые поднимают проблематику раннего патологического периода, относятся знаменитые патографии Ясперса. Проблема связи безумия и творчества занимала не только психиатров. Не обошел ее и Ясперс, посвятив ей свою замечательную патографию «Стриндберг и Ван Гог». В этой работе он пытается приоткрыть тайну творчества Йозефа Стриндберга, для более полного анализа его творчества через сопоставление привлекаются фигуры Сведенборга, Ван Гога и Гельдерлина. Биографии этих гениев, по мнению Ясперса, представляют собой не просто случаи из клинической практики, они важны и для самой психопатологии, поскольку высвечивают не только грани их таланта и феномены человеческого существования. Все эти имена в работе Ясперса объединяет одно

достаточно многозначное (даже по признанию психопатолога Ясперса) понятие — «шизофрения».

Эта патография была выпущена уже после того, как Ясперс отошел от психиатрии, хотя первая ее публикация состоялась в 1914 г. в сборнике трудов по прикладной психиатрии. Объясняя то, почему впоследствии она была издана в «Философских исследованиях», Ясперс бросает несколько интересных идей, которые проливают свет не только на замысел его собственного произведения, но и на истоки взаимодействия философии и психиатрии. Подчеркивая, что у философии нет собственной предметной области и то, что предметные исследования, осознанно устремляющиеся к границам бытия, неизменно становятся философскими, Ясперс отмечает философский, а не психиатрический замысел своей работы. «Настоящая работа выросла из вопроса о границах возможного понимания жизни и творчества человека», — пишет он [Ясперс 1999: 7]. Каждый психиатр, который в своих исследованиях не только опирается на операциональные понятия психиатрии, а выходит за ее рамки, двигаясь к экзистенции человека, приходит к философии, иногда испытывая «такие впечатления, которые он не может сформулировать и говорить о которых ему не совсем удобно, поскольку все остается неопределенным и неясным» [Там же: 67].

Каковы же эти переживания психиатра? Он переживает волнующий мир больного, от которого исходит некоторое самосомнение, призывы к экзистенции, которые, в свою очередь, инициируют изменения в душе, в экзистенции психиатра. Для психиатра, как считает Ясперс, это «... потрясение, которое мы долго выносить не можем, от которого мы с облегчением вновь ускользаем, которое мы какие-то мгновения отчасти переживаем перед великими картинами Ван Гога, но и тут долго этого выносить не можем. Это такое потрясение, которое не ведет к ассимиляции чуждого, но толкает нас к преображению в иное соразмерное воплощение» [Там же: 68]. Возникновение этих впечатлений связано с самой природой философского познания и мировоззрения.

По мнению Ясперса, всякая практика, как и практика духовного бытия, содержит элемент непознаваемости. Психопатологические исследования позволяют определенным образом высветить эту практику, но, тем не менее, не показывают ее полностью. Такие поиски имеют смысл именно для философского исследования. Но при этом философское мировоззрение не может довольствоваться лишь простым поиском взаимосвязей. «Ему не дано снять вопрос о практическом бытии понятого человека, удовлетворяясь тем, что может быть приемлемо понять, и отказываясь от рассмотрения таких причинных связей, которые не поддаются пониманию, например — между возникновением психического заболевания и творчеством художника», — подчеркивает Ясперс [Там же: 9]. Только так и никак иначе, по его мнению, может достигаться не поверхностное овладение предметом познания, а «познавание как средство обретения такой точки зрения, с которой можно увидеть и осознать истинные загадки» [Там же].

Следуя немецкой интеллектуальной традиции (в частности, идеям, выдвинутым Шеллингом и Гегелем), в «Общей психопатологии» Ясперс отмечает, что определенную роль в развитии психического заболевания играют Дух и душа. Дух, по его мнению, вырастает на психологической почве, но сам не имеет психологической природы, поэтому субстанция объективного духа не подвержена болезни. Тем не менее болезнь отдельного человека может иметь в качестве первопричины то, как именно этот человек участвует в жизни объективного духа и воспроизводит этот дух. Кроме того, нормальные и аномальные события психической жизни оставляют своего рода «осадок» в сфере объективного духа. Несмотря на то что сам дух не подвержен болезни, его проявления могут быть распознаны в больном человеке следующими путями:

— на основании *провалов*, то есть того, что отсутствует — выпадений, нарушений, искажений, всего, что противоречит норме в аспекте, который касается осуществления человеком его долевого участия в жизни духа;

— на основании *особого рода творческой продуктивности*, которая указывает на болезнь не столько своими результатами, сколько своими источниками;

— на основании того *позитивного значения, которое больные сообщают этим провалам и аномалиям* [Ясперс 1997: 352].

В начальной фазе психического заболевания, по мнению Ясперса, для больного словно открывается некая *метафизическая глубина*. Душа словно расслабляется, и дух прорывается на поверхность, объективируясь в произведениях искусства. Переживание и проживание жизни становится более страстным, аффективным, безудержным и непредсказуемым. Ясперс пишет: «И вот это демоническое существование, это вечное преодоление и всегдашняя наполненность, это бытие в ближайшем отношении к абсолютному, в блаженстве и трепете и, несмотря на это, в вечном беспокойстве, — совершенно независимо от нас проявляется психозом» [Ясперс 1999: 75]. Возможно, предполагает Ясперс, это происходит оттого, что противоположности оказываются настолько тесно связанными друг с другом, что ценностно-позитивное всегда должно искупаться соответствующей мерой ценностно-негативного. «Быть может, величайшая глубина метафизического переживания, ощущение абсолютного, священного и благодатного дается в сознании восприятия сверхчувственного лишь тогда, когда душа расслабляется настолько, что после этого остается уже в качестве разрушенной», — отмечает Ясперс [Там же: 78].

Этот процесс прорыва, открытия метафизической глубины с особой силой проявляется у исключительных, творческих людей, гениев, заболевших шизофренией. У них шизофренический процесс завладевает духовной экзистенцией, способствуя возникновению различных впечатлений и образов. Ясперс особо подчеркивает, что шизофренический процесс нельзя понимать как обязательную предпосылку творчества или как то, что обуславливает характер и содержание произведений искусства. Творчество, несомненно, является процессом объективации, но объективации не шизофренического мира, а духа. Шизофрения при этом лишь заостряет этот процесс актуализации метафизической глубины. Шизофренический процесс, по Ясперсу, естественно, является фактором, который влияет на творчество, но при этом не придает шизофренического характера самому произведению. Ясперс приводит в пример Бисмарка, который перед выступлением в рейхстагепил спиртное, поскольку так у него лучше получались речи. Но, по мнению Ясперса, это не придавало его речам алкогольных тонов. Так и шизофрения не может являться условием, специфическим для творчества.

Ясперс отмечает, что в своем непрерывном разворачивании больной шизофренией гений создает для себя миры, в которых сам себя разрушает. Он пишет: «Тот факт, что при психическом заболевании возникает творческая активность, естественно истолковать как освобождение неких сил, которые прежде были скованы. Болезнь снимает оковы. Бессознательное начинает играть большую роль, взрывая цивилизационные ограничения. Отсюда и близость к снам, к мифам и к детской психической жизни» [Там же: 89].

Странно, справедливо отмечает философ, что мы не найдем гениальных шизофреников в Западной Европе до XVIII века, поскольку в Средневековье царствовала истерия. Нашему же времени свойственна особая «предрасположенность» к шизофрении, тесная связь к ней. «Взаимоотношения нашего времени и шизофрении совсем иные. В наше время болезнь уже не является коммуникативной средой, но она подготавливает почву для инкарнации отдельных исключительных возможностей», — отмечает Ясперс [Там же: 96]. Шизофрения, особенно таковая у гениальных людей, как он предполагает, может иметь позитивную функцию для человечества.

Сегодняшняя ситуация, когда расшатан основной фундамент бытия, требует от нас, на взгляд философа, осознания «последних вопросов» и понимание непосредственного фактического опыта. Ответить на эти вопросы невозможно, поскольку, как считает Ясперс, они превышают меру нашего познания. Вот какие вопросы возникают по поводу шизофрении у него самого: «Не может ли в такие времена шизофрения являться условием подлинности в тех областях, где и в не столь развязные времена и без шизофрении могла сохраняться подлинность восприятия и изображения? Не наблюдаем ли мы некие танцы вокруг желаемого, но воплощаемого лишь криком, деланием, насилием, самоодурманиванием и самовзвинчиванием, ложной непосредственностью, слепым стремлением к примитиву и даже враждебно-

стью культуре, — вокруг того, что истинно и до глубины прозрачно в отдельных шизофрениках?» [Там же: 101]. Поэтому шизофреники, по мнению Ясперса, являются для нас в настоящее время благом, благом в том случае, если мы видим зов их экзистенции, взгляд в абсолютное, что для нас самих недоступно.

Л. Бинсвангер в своем реферате, посвященном отношениям между психопатологией и феноменологией, напомним о высоких заслугах Ясперса в исследовании «шизофренической атмосферы» и о постулировании им невозможности схватить это шизофреническое целое кроме как в собственном опыте контакта с больным шизофренией. Он пишет о заслугах Ясперса в исследованиях отношений между «я» и сферой ценностей при шизофрении: «Ясперс в этом отношении сделал большой шаг вперед, создав психологию мировоззрений (“здоровых”), но через это, однако, и глубже проникнув в сам феномен шизофренического аутизма, нежели это делали до него. Его работа о Стриндберге и Ван Гоге не только лучшая патография, которой мы обладаем, но и межевой камень в психопатологической феноменологии шизофрении» [Бинсвангер 1992: 127].

Но есть и более жесткие оценки этой работы. Профессор Гейдельбергского университета Кристоф Мундт считает, что в этой книге существует противоречие между тем, что заявляет Ясперс как свою исследовательскую позицию, и тем, как он действительно проводит патографическое исследование. Ясперс утверждает, что гений не может подвергаться классическому психиатрическому анализу, а также анализу его существования. Однако сам же анализирует языковые особенности поздних стихотворений Гельдерлина и классифицирует некоторые тексты как выражение речевых симптомов и расстройств мышления. Мундт отмечает: «В каждом предложении излагаемых мыслей К. Ясперса четко прослеживается установление норм, без которого он не смел бы сделать никакого психопатологического высказывания о болезни Гельдерлина и ее сложном взаимодействии с его языковыми творениями» [Мундт 2006: 178].

Тему гениальности и безумия Ясперс продолжает в своей работе «Ницше. Введение в понимание его философствования». Здесь он развивает введенный в «Общей психопатологии» метод понимания, что обозначено даже в подзаголовке работы. Принципам понимания самого Ницше и его философии полностью посвящено «Введение». Пытаясь раскрыть загадку его творчества, Ясперс отмечает: «Чтобы описать картину творчества Ницше, можно прибегнуть к *сравнению*: дело выглядит так, будто в горах взорвали утес; камни, уже более или менее обработанные, указывают на существование цельного замысла. Но сооружение, ради которого был, по-видимому, осуществлен взрыв, не возведено. <...> ... Ницше как таковой будет понятен лишь в том случае, если мы все сведем воедино, чтобы в многообразии подобных отражений в конечном счете собственным умом действительно постичь изначальные философские движения его существа» [Ясперс 2004: 63, 65].

Как мы видим, понимание здесь, как и в психопатологии, представляется методом установления связей и восстановления целостности. Тот метод, который раньше Ясперс использовал для исследования сущности и структуры болезни, он теперь применяет к философу и к его жизни. Выходит, что метод понимания, введенный Ясперсом в психопатологию, не является даже в его работах специфичным именно для психопатологии. Понимание предназначено для исследования целостности душевной жизни, а является ли она «нормальной» или «патологической», в данном случае не имеет значения. Та целостность, которая достигается в конце этого пути, не является целостностью законченной, косной и жесткой, не означает единственно целостного или единственно истинного. Целостность здесь — это скорее целостность внешняя, чем внутренняя, т.е. целостность картины, но не того, что она изображает. «...Попытка приписать Ницше целостность, воссозданную наподобие археологической реконструкции, означала бы насилие над ним. <...> Никто не увидит в Ницше единства, кроме тех, кто сам его сотворит», — подчеркивает Ясперс [Там же: 64].

Исследуя Ницше, считает Ясперс, не нужно классифицировать, необходимо вникнуть в сущность предмета, обратиться к первоисточку, поскольку только так можно восстановить эту целостность. По мнению Ясперса, важно каждое сказанное Ницше слово, но слова эти не

разнозначны, а образуют как бы иерархию, явствующую из никогда не достижимого целого данной мысли. «Сама интерпретация, — пишет Ясперс, — осуществляется путем соотношения друг с другом центральных тезисов. За счет этого образуется некое универсально-ориентирующее ядро, которое в процессе дальнейшей интерпретации может сохраняться или изменяться, но всегда подводит чтение к определенному и существенному пониманию путем ответов на уже возникшие вопросы» [Там же: 71]. Таким образом, у самого Ницше, благодаря такой ориентации на целостность, мы находим критерий для иерархической упорядоченности его суждений по значимости. Если опять обратиться назад, к «Общей психопатологии», то эти принципы интерпретации мы обнаруживаем в этапах описательного психопатологического исследования, которые полностью схожи с теми, которые Ясперс выделяет в «Ницше».

Но эта работа относится к разряду патографий Ясперса, поэтому одним из важнейших вопросов является значение болезни Ницше для его философии. «В творчестве Ницше, — пишет Ясперс, — очень часто ставится вопрос о смысле и значении болезни. <...> Для понимания Ницше необходимо знать факты, из которых складывалось течение его болезни, четко отличать от этих фактов те *или* иные возможные их толкования и иметь представление о том, как сам Ницше относится к собственной болезни» (курсив автора — *О.В.*) [Там же: 159]. По мнению Ясперса, до 1888 г. Ницше был абсолютно душевно здоров. Скорее, можно говорить о перепадах общего телесно-психического состояния, которые имели место на протяжении всей жизни Ницше. И здесь Ясперс прибегает к методу понимающей психологии. Он рассматривает состояние здоровья Ницше с 1880 г., используя хронологическое сравнение и анализируя феномены не сами по себе, а в ракурсе того, являются ли они новыми или уже наблюдались ранее. «Исходной точкой данного изложения является упомянутое *общее впечатление*, возникающее при строго хронологическом прочтении», — пишет Ясперс [Там же: 164]. Это общее впечатление и является своеобразной целостностью, выстраиваемой исследователем.

Ясперс подчеркивает, что в случае Ницше вопрос о связи болезни и творчества остается открытым, но присутствие его как вопроса, тем не менее, является условием правильного понимания Ницше. Следуя этой идее, Ясперс в своем исследовании пытается обнаружить в творчестве Ницше 1) временные совпадения стиля и характера мышления с переменами в телесной и психической действительности и 2) те явления, которые можно ожидать при органических процессах.

В период 1881–1884 гг. Ясперс фиксирует у Ницше «состояния опыта бытия, в которых оно разверзается подобно ужасной бездне». Как мы помним, именно такие состояния в своей более ранней патографии Ясперс называет предвестниками душевного расстройства, его первым, незаметным глазу, проявлением. Эти состояния впоследствии дополняются ощущениями внезапной опасности, творческого вдохновения, мистического света и т.д. «В приведенных сообщениях просматривается неразделимое взаимопроникновение духовного, мыслительного творчества Ницше и того опыта, который застигает его внезапно и как бы беспричинно», — пишет Ясперс [Там же: 168]. Сам он склоняется к диагнозу паралича, но сомневается в нем. Ясперс приходит к выводу о том, что сам Ницше воспринимает свою болезнь как симптом своего великого всепобеждающего здоровья, как натуру здорового бытия, она проявляется в его воле к здоровью.

Надо признать патографии Ясперса наиболее удачным для него жанром. Они стоят где-то посередине между его психопатологическими работами и чисто философскими. Именно в них Ясперс реализовывает все свои профессиональные способности клинициста вникать во внутренний мир личности и философское мышление.

Необходимо признать, что Ясперс не только является одной из отправных фигур феноменологической психиатрии, но также стоит у истоков той традиции взаимодействия философии и психиатрии, которая в XX веке даст мировой науке замечательные имена Э. Минковски, Л. Бинсвангера, М. Босса, М. Фуко, Р. Лэйнга, Ж. Лакана и др. Именно Ясперс, а никто другой, подробно разработал исследовательский подход для этой новой облас-

ти. Он адаптировал методологию философской феноменологии Гуссерля к психиатрической клинике, попытавшись максимально приспособить ее к исследованию аномального бытия конкретного человека. Его метод, «понимание», еще много раз мелькнет в истории интеллектуальной психиатрии и философии XX века. Можно сказать, что Ясперс проложил дорогу, ступив на которую, множество исследователей во всем мире попытаются «понять» безумие и дать ему возможность говорить за себя, преодолевая тем самым многовековое отчуждение не только мира нормальных от мира безумцев, но и традиционную отгороженность картезианской философии от всех проявлений неразумия.

Библиографический список

Бинсвангер, Л. Феноменология и психопатология / Л. Бинсвангер ; пер. О. В. Никифорова // Логос. – 1992. – № 3.

Бинсвангер, Л. Экзистенциально-аналитическая школа мысли / Л. Бинсвангер // Экзистенциальная психология. Экзистенция / пер. с англ. М. Занадворова, Ю. Овчинниковой. – М., 2001.

Колле, К. Ясперс как психопатолог / К. Колле // Карл Ясперс : сб. работ / пер. Г. Лещинского. – М., 1997.

Мундт, К. К. Ясперс и творчество душевнобольных / К. К. Мундт // Философия и психопатология. Научное наследие К. Ясперса : 4-й Российско-германский симпозиум, РГСУ, 1–3 июня 2005 г. ; под ред. В. И. Жукова. – М., 2006.

Перцев, А. В. Сова Минервы над муравейником : (очерки жизненной философии) / А. В. Перцев, Е. С. Черепанова. – Екатеринбург, 2003.

Савенко, Ю. С. Уроки Ясперса / Ю. С. Савенко // Независимый психиатрический журнал. – 2003. – № 3.

Ясперс, К. Ницше. Введение в понимание его философствования / К. Ясперс. – СПб., 2004.

Ясперс, К. Общая психопатология / К. Ясперс ; пер. с нем. Л. О. Акопяна. – М. : Практика, 1997.

Ясперс, К. Стриндберг и Ван Гог / К. Ясперс ; пер. Г. Ноткина. – СПб., 1999.

Ясперс, К. Философская вера / К. Ясперс // Ясперс, К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М. И. Левиной. – М., 1994.

Laing, R.D. Metanoia: Some Experiences at Kingsley Hall / R.D. Laing // Going Crazy: The Radical Therapy of R.D. Laing and Others / ed. by H.W. Ruitenbeek. – N.Y., 1972.

Spiegelberg, H. Phenomenology in Psychology and Psychiatry : A Historical Introduction / H. Spiegelberg. Evanston, 1972.